
ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Покорнѣйше прошу О-Редактора Самарскаго Епархіальныхъ Вѣдомостей, Александра Михайловича Никольскаго не отказать помѣстить въ ближайшемъ № журнала настоящее мое письмо, краткое по содержанию и формѣ, но нелишенное, для товарищей-пастырей нѣкотораго интереса.

Теперь я бѣженецъ: изъ настоятеля *хорошаю* прихода (с. Нижняя Кармалка, Бугульминскаго уѣзда) я превратился въ скромнаго письмоводителя Лѣсничаго... Исторія метаморфозы такова. Отношеніе у меня съ прихожанами были—въ общемъ—все время священства (ок. 7 лѣтъ) недурныя. Они уважали меня за трезвость, скромность и безкорыстіе. Но, въ наступившее смутное время, моему мѣсту позавидовалъ одинъ псаломщикъ въ санѣ діакона.

Партія діакона избрала такой путь. Я сталъ получать угрожающія письма (которыя подбрасывались даже въ алтарѣ), въ которыхъ, на ряду со сквернословіемъ, предлагалось мнѣ, если я хочу быть живымъ, убираться изъ прихода. Посѣвы и моя пасѣка стали подвергаться потравамъ и разрушеніямъ, лѣсъ разворорываться, скоть портиться. Мимо моего дома ежедневно проходили пьяныя банды, орали и сквернословили. Въ храмѣ мнѣ устраивали гримасы, портили замки, одежду и т. п. Въ результатъ такого отношенія, я, особенно семейные—(главнымъ образомъ мать) не вытерпѣли... Получилось настроеніе—бѣжать, куда глаза глядятъ. Тѣмъ болѣе, что я получилъ *письмо—постановленіе, чтобы я выбирался къ масляницѣ 1918 г. иначе подвергнусь террористическому акту*. Одинъ ненормальный человекъ ежедневно сталъ прогуливаться подъ моими окнами и, какъ только завидитъ меня, примется показывать кулаки или пилить свое горло рукой. Игра на крѣпость нервовъ дала діакону побѣду, и я 1 марта н. с. скрылся изъ прихода... при чемъ большинство хорошихъ прихожанъ меня искренно жалѣло и, вполне искренне плакало. Но—увы—жаловаться было некому и искать суда не у кого.

Священникъ *Веніаминъ Павловъ*